

— Яньнань, с этим графиком я, боюсь, не смогу справиться...

Бай Яньнань покачал головой:

— Запись шоу нельзя перенести. Мы не можем заставить продюсеров подстраиваться под тебя.

Гу Чуньлай заговорил, голос его дрожал:

— Но у меня еще много сцен. Так все это... будет сложно сосредоточиться. Ты же сам снимаешь, знаешь, что во время съемок нельзя отвлекаться.

— Это твоя проблема, ты должен сам разобраться, — голос Бай Яньнаня стал жестким и холодным. — Когда ты соглашался на «Сказание, учение, шутки и пение», ты должен был понимать, что съемки могут пересечься с промо-периодом «Двух городов».

— Я думал, ты не будешь меня задействовать...

Гу Чуньлай не мог быть совсем неподготовленным. Но во время съемок он почти не появлялся на публике, думал, что после выхода все будет так же. Он даже специально спросил Сяо Жофэя, сможет ли он иногда выходить на промо-трансляции, а потом возвращаться.

Сяо Жофэй ответил, что один день не проблема, но если это будет слишком часто или надолго, это повлияет на съемки, атмосфера, которую они создали, исчезнет, и им придется перестраивать весь график. Это возможно, но очень хлопотно.

— Чуньлай, ты слишком упрощаешь. В любом случае, я буду продвигать свой сериал изо всех сил, — Бай Яньнань достал немного потертый лист бумаги и сунул его Гу Чуньлаю. — Не заставляй меня идти на крайние меры, это никому не пойдет на пользу.

Гу Чуньлай даже не смотрел — он знал, что это контракт, который они когда-то подписали. Если дойдет до суда, оба пострадают. Но сейчас он стоял на канате над пропастью, и один неверный шаг мог привести к катастрофе.

— Нет другого выхода? Нет других вариантов? Промо нельзя отложить до конца съемок?

— Чуньлай, не будь таким. Ты же знаешь, наш сериал разделен на две части, первая выходит всего на месяц. Когда ты закончишь съемки, сериал уже закончится... — Бай Яньнань встал, буквально прижав Гу Чуньлая к стулу, смотря на него сверху вниз. — Не заставляй меня так мучиться. Я знаю, что для тебя эта работа важнее, чем «Два города».

— Нет! — Гу Чуньлай категорически отрицал. Он никогда не ставил две работы на одну чашу весов.

Бай Яньнань продолжил:

— Актеру нормально любить свои роли. Конечно, тебе больше нравится Чжоу Сяоча, ведь он — это ты. В день анонса я совсем не удивился.

Гу Чуньлай чувствовал себя как крот в игре, который едва высунул голову, чтобы получить удар молотком. Он понимал каждое слово Бай Яньнаня, но вместе они складывались в непонятную картину.

Увидев это, Бай Яньнань снисходительно усмехнулся, как мудрец, обращающийся к новорожденному, и терпеливо сказал:

— Ничего, ты еще мало опыта набрался. После подписания контракта со мной все пойдет своим чередом. Но сейчас это уникальная возможность, не упусти ее. Понял?

— Нет, не будет, — Гу Чуньлай резко встал, отступив на шаг, оказавшись в тени, отделяя себя от Бай Яньнаня. — Я не стану частью твоей студии «Фэйсян». Я уже решил подписать контракт с «Цаньсин».

— Что? Повтори! — На изысканном лице Бай Яньнаня впервые появились острые черты, резкие и агрессивные. — Я понял. Ты хочешь отобрать у меня Жофэя. Ты ведь любишь Сяо Жофэя, я прав?

— Яньнань, Жофэй — человек, а не вещь. Какое тут отбирание?

Гу Чуньлай ненавидел такие слова, ненавидел усложнять ситуацию. Как согласовать промо-период «Двух городов» — это их проблема, и она не имеет отношения к Сяо Жофэю или его чувствам.

— Я всегда любил его, — Бай Яньнань не сдавался, подойдя вплотную к Гу Чуньлаю, схватив его за воротник и злобно прошипев. — Ты ведь знаешь, что я всегда любил его! Что, ты собираешься признаться ему? Поцеловать? Или раздеться и постучаться в его дверь ночью, забраться к нему в кровать? А?

— Яньнань, я знаю, что такое дистанция, — Гу Чуньлай ответил уклончиво. — Я знаю, когда не стоит быть слишком близко с человеком, когда не стоит подходить. В те десять месяцев, что вы были вместе, я никогда не начинал с ним разговор первым, не звонил, не приглашал на обед. Даже если он приходил ко мне, я старался отклонить. Но до того, как вы начали встречаться, он уже выбрал меня на главную роль в своем выпускном проекте. Я не мог отказаться, не мог не сниматься. Кроме этого, я никогда не делал ничего лишнего, никогда не переступал черту.

Бай Яньнань не отступал:

— Но ты любишь Жофэя! Признаешь? Даже так ты любишь его!

— Люблю Сяо Жофэя? А кто его не любит? — Гу Чуньлай тоже повысил голос. — Ты видел кого-то, кто его ненавидит? Расскажи мне, кто его ненавидит? Какое отношение это имеет к промо «Двух городов»?

Возможно, Бай Яньнань никогда не видел Гу Чуньлая таким, или понял, что дальнейший спор бесполезен. Он отпустил его и вернулся в свет, спокойно сел на стул. Его лицо снова стало приятным, без тени агрессии, милым и дружелюбным, как у того самого «братика Наньнаня», которого девчонки обожали.

Бай Яньнань без эмоций произнес:

— Чуньлай, тебе не нужно защищать его передо мной. Я знаю его лучше, чем ты. Ведь мы встречались, и есть вещи, которые ты не знаешь, а я знаю.

Гу Чуньлай не знал, что ответить. Бай Яньнань попал в самую точку — одного удара было достаточно.

Бай Яньнань продолжил:

— У каждого есть недостатки. У каждого есть враги. И он не такой уж мягкий, внимательный и

заботливый, как ты думаешь.

Действительно, Сяо Жофэй казался простым: любовь — это любовь, ненависть — это ненависть. Но если копнуть глубже, под шумной поверхностью скрывались бездонные пропасти. Чтобы увидеть их, нужно было нырнуть так глубоко, что можно было задохнуться, сердце и легкие сжались бы в тонкий лист, и даже тогда не факт, что удалось бы разглядеть что-то.

Гу Чуньлай уже это понимал, поэтому не хотел думать, даже не хотел анализировать каждый шаг Сяо Жофэя.

Но то, как Сяо Жофэй относился к нему сейчас, он видел ясно, и это было не иллюзией.

Увидев, что Гу Чуньлай не реагирует, Бай Яньнань уверенно улыбнулся. Он взял его за руку, подтянул к свету и сказал:

— Хочешь узнать, что Сяо Жофэй делал в городе Т? Почему он травмировал руку? Зачем вернулся раньше? Почему мистер Тянь внезапно появился на вашей площадке?

Гу Чуньлай ошеломленно спросил:

— Ты собираешься мне рассказать?

— Если хочешь знать, я расскажу все до мельчайших деталей.

Гу Чуньлай не знал, когда Бай Яньнань стал таким сильным — его запястье начало ныть от боли.

Он не мог вырваться, только опустил руку, сдаваясь.

— Не нужно. Когда Жофэй вернулся, я спросил его. Он не хотел рассказывать, и нет смысла настаивать. Даже если я узнаю правду, это уже факт, ничего не изменишь.

— Фу, он так сказал, и ты смирился? Ты совсем его не понимаешь.

— Да, я слишком мало знаю о нем, слишком много ошибаюсь.

Гу Чуньлай вспомнил ту тарелку лапши, ту маленькую фигурку, спрятанную втайне. Кто знает, сколько еще воспоминаний расходуется с тем, что он помнил. Он решил больше не гадать.

— Почти все, о чем я сейчас думаю, вызывает сожаление. Отныне я буду верить только тому, что он скажет сам.

Бай Яньнань отпустил его, повернулся и открыл дверь трейлера. Перед тем как уйти, он бросил:

— Дурак, еще раз подумай о подписании контракта! Многое он тебе не рассказывает, а ты собираешься доверить ему свою карьеру на несколько лет, позволить ему управлять тобой? Боюсь, однажды он тебя продаст, а ты еще и деньги считать будешь!

Гу Чуньлай не нашелся, что ответить. Опыт Бай Яньнаня был налицо, контракт тоже. И, возможно, это повлияет на многих. Недостаточно продуманным, слишком наивным был он сам.

Бай Яньнань уже ушел, и Гу Чуньлай не мог больше оправдываться или просить. Дверь была открыта, сквозняк проникал внутрь, холодный и понижающий, лишая сна.

Было уже больше часа — они провели в трейлере столько времени. Чэнцзы рано ложился спать, и возвращаться в комнату сейчас означало разбудить его. Лучше переночевать здесь.

Но...

<http://bllate.org/book/15563/1415713>